Первоцелинники

В этом, 2024 году, наша страна, правда не столь масштабно и заметно, как 50-летие БАМа, отметила ещё одну юбилейную дату – 70 лет начала освоения целинных и залежных земель. Когда-то, в середине пятидесятых годов прошлого столетия, это был едва ли не самый грандиозный по замыслу и масштабу проект, инициированный ЦК КПСС и поддержанный комсомолом, в котором приняли участие сотни тысяч молодых людей, поехавших по комсомольским путёвкам осваивать целину. В их числе были и мои родители – Пушин Александр Иванович и Пушина Валентина Павловна, уже давно ушедшие из жизни. Им, их светлой памяти я и посвящаю этот очерк.

Первоначально идея написать книгу воспоминаний о целине, о комсомольцах-первоцелинниках, об их дальнейшей судьбе возникла у моей бывшей учительницы математики и подруги моей мамы Калерии Николаевны Петровой, которая также начинала свой трудовой путь на целине. В последние годы она жила в Костромской области, но вела очень обширную и активную переписку с друзьями молодости, со своими бывшими учениками и коллегами, многие из которых откликнулись на эту идею и прислали свои воспоминания. Эти воспоминания, в том числе о моих родителях, вошли в книгу К.Н.Петровой «Здравствуй, земля целинная», изданной в 2017 году. А в августе этого года позвонил мой бывший одноклассник Александр Герлиц, работающий ныне в той самой школе на целине, где мы учились, и попросил прислать фотографии и материалы о моих родителях, для школьного музея – в связи с юбилеем школы. Значит, людям это надо, значит, память о комсомольцах-первоцелинниках жива! Хотя давно уже нет Советского Союза, нет совхоза «Горьковский», где прошло моё детство, но зато есть такая же красивая и светлая школа, есть крепкое, процветающее хозяйство и благоустроенное село, сохранились и многие добрые традиции, заложенные первоцелинниками.

«У студентов есть своя планета – это Целина» - ну кто же из людей моего поколения не помнит строчки этой некогда популярной песенки? Или не менее популярное: «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я», или «Вьётся дорога длинная, здравствуй, земля целинная…».

Да, о Целине в советские времена слагали песни, писали стихи, снимали фильмы, и уже само по себе это говорило о масштабе и значении этого явления. А что знает нынешнее поколение? Практически ничего, хотя живы ещё многие участники освоения целинных земель, их дети, вспоминающие сегодня о своем целинном детстве, как о счастливейшем времени их жизни. Правда, многие живут теперь не только за пределами Казахстана, но и за границами бывшего Советского Союза. И почему-то несколько десятилетий, связанных с Целиной, оказались вычеркнутыми не только из учебников, но фактически и из истории нашей страны. Хотя и страны-то ведь той тоже не стало.

Для многих из нас всё самое светлое, важное, лучшее связано с детством. Моё детство прошло на Целине, и по большей части связано с совхозом «Горьковский» Ленинградского района Кокчетавской области и Горьковской средней школой периода 1964 – 1974 годов. То волшебное время, когда все еще были живы, когда настоящее было таким радостным и беззаботным, а будущее – таким заманчивым… Увы, оно сохранилось разве что в моем сердце и моей памяти, хотя заслуживает гораздо большего.

Я всегда ругала себя за то, что так и не удосужилась записать прижизненные рассказы и воспоминания своих рано ушедших родителей о молодости, связанной с Целиной. А им было о чем рассказать. Едва ли не с первыми отрядами они поехали на Целину по комсомольским путевкам и отдали ей свои лучшие годы.

Папа – Пушин Александр Иванович, 1936 года рождения, прошел здесь путь от бригадира до директора крупного зерноводческого совхоза, которым руководил десять лет. За полученные рекордные урожаи был награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», несколькими медалями ВДНХ «За успехи в народном хозяйстве», юбилейной медалью «За

доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

Мама – Пушина Валентина Павловна, 1936 года рождения, в числе первых комсомольских отрядов начала строить целинные совхозы, работая штукатуром-маляром. Здесь нашла своё семейное счастье, родила троих детей, многие годы возглавляла родительский комитет Горьковской средней школы, избиралась депутатом, активно участвовала в художественной самодеятельности совхоза. Она также имеет трудовые награды, среди которых главное место занимает медаль «За освоение целинных земель».

Для них Целина была не просто вехой в биографии, самыми счастливыми страницами их жизни, но она была их звездным часом, судьбой и вершиной. Впрочем, как и для огромного числа людей этого поколения, так же, как и они, связавших свою жизнь с Целиной, с Казахстаном. Эти люди совершили поистине героический подвиг, построив в степи тысячи новых поселков и городов, освоив тысячи и тысячи гектаров целинных земель, вырастив для страны миллионы тонн высокосортной пшеницы.

Об этом в своё время говорилось на всю страну, писалось в газетах и книгах. Их широко чествовали в год 20-летия Целины, а потом… забыли, потому что пришли другие времена. Многие первоцелинники уехали за пределы не только Казахстана, но и бывшего Советского Союза, кто-то вернулся в родные города и села. Многие были выброшены на обочину жизни в силу социальных и политических перемен, тяжело и трудно доживая свой век. И это несправедливо по отношению к ним и по отношению к истории нашей страны.

Сейчас почему-то о Целине часто говорят, как о не удавшемся проекте. Якобы он оказался слишком дорогим и неэффективным, якобы высокие урожаи были только в первые годы, а урон экологии – существенный. Но я-то помню совсем иное. Год в совхозе делился не на четыре, а на два сезона – посевная и уборочная, с небольшими промежутками для подготовки к ним. Всё – техника, люди, вся инфраструктура, даже жизнь семей, школьников в период страды - было починено ей. Мы, например, начиная с начальных классов,

работали на уборке картофеля, кормового турнепса, капусты, а взрослое население было занято на току.

Сводки с полей, опубликованные в газете, звучали, как сводки с фронтов. К слову, на уборочную практически ежегодно в совхоз прибывали солдаты-сверхсрочники на военных автомобилях. Целый, наверное, автополк, чтобы возить зерно с полей на тока и на элеватор. Работали в несколько смен, даже по ночам, при свете фар и прожекторов. Возили хлеб практически до самого снега – так много его было. Может быть, именно поэтому иногда и не успевали перерабатывать.

Вообще же в совхозах было очень грамотно, умно и целесообразно организовано производство, да и вся социальная, культурная жизнь и быт, но главное – там жили замечательные, трудолюбивые, интеллигентные, красивые люди. Впрочем, всё это вполне объяснимо, ведь на Целину по комсомольским путевкам направляли лучших!

По комсомольским путевкам

Мои родители приехали в Казахстан в 1954 году по комсомольским путевкам - осваивать целинные земли. Мама, в девичестве Валентина Сахарова, до этого окончила в Серпухове строительное училище и даже немного поработала здесь на строительстве жилых домов на улицах Володарского и Чернышевского маляром-штукатуром. Она была сиротой, и когда узнала о наборе строителей в комсомольские отряды для отправки на Целину, долго не размышляла. Папа, несмотря на многообещающие перспективы в родном районе на Харьковщине, после окончания Кегичёвского техникума сельскохозяйственных машин, также в составе первых отрядов, отправился в Казахстан. Вернее, они поехали на Целину практически всем курсом. «Пушура» (сокращенное от Пушин Шура) - так его шутливо звали однокурсники, был тогда заядлым спортсменом, душой компании и предметом тайных воздыханий многих девушек.

С мамой они познакомились на комсомольском собрании, где отчитывали проштрафившихся папиных земляков, и Валичке (именно

так её звали подружки, и именно через «и»), которая всегда отличалась прямотой и бескомпромиссностью, дали слово для выступления. Она, в свою очередь, предложила высказаться по этому поводу сероглазому красавцу с волнистым чубом, по ошибке назвав его фамилией друга: «А вот пусть Ганжа выступит…».

Как шутил потом папа, боевая кареглазая дивчина с длинной косой быстро отвадила от него всех поклонниц и буквально взяла его измором. Впрочем, «измор» если и был, то уже позже, когда они поженились. Опять-таки, если верить папиным словам, то принимая его зарплату в семейный бюджет, молодая жена на обеды и ужины в девчачье общежитие не звала. «Я стеснялась, - передразнивал он маму, - а я аж зелёным мхом покрылся от голода».

Молодой директор

Мама рассказывала, когда их привезли на место будущего совхоза «Киевский», там была голая степь да несколько глинобитных домишек старого аула. Первое время жили в палатках, потом во времянках, затем в финских домиках, которые сами же и строили.

Через какое-то время молодоженам выделили отдельную комнату – вернее кухню в финском домике (комнату занимала другая молодая семья), такую крохотную, что с кровати пришлось снять спинки и поставить панцирную сетку на кирпичи. А столом долгое время служили строительные козлы из необструганных досок. Здесь, в «Киевском», я и родилась в начале зимы 1958 года, а еще через полтора года – двойняшки брат и сестра – Люда и Вова, которые всю жизнь потом спорили, кто из них появился на свет раньше. Папу вскоре перевели агрономом в совхоз «Менжинский», а в 1964 году назначили директором совхоза «Горьковский». Ему не было тогда и тридцати, и он был, пожалуй, самым молодым директором совхоза во всей Кокчетавской области.

Видимо, опасаясь посягательств на молодого симпатичного директора со стороны женского пола, мама отправила в качестве «вещественного» подтверждения его семейного статуса меня – старшую из детей. Так весной или в начале лета 1964 года мы с папой

приехали в «Горьковский» и поселились в местной гостинице, под опекой заведующей тети Зины и её добрейшего мужа дяди Лёни.

«Присмотрщик» из меня вышел никудышный, потому что папу я практически не видела. Он уходил рано утром, когда я еще спала, а возвращался поздним вечером, когда я уже засыпала. Папа принимал хозяйство у прежнего директора – Николая Фёдоровича Козинца, Героя Социалистического Труда, уходившего на повышение. Это звание ему было присвоено за рекордные урожаи пшеницы. Причем, на целине выращивались особенно ценные твердые сорта пшеницы. Совхоз был немаленький – 25,5 тысяч гектаров пахотной земли, несколько зерноводческих бригад (отделений) с тысячами гектаров пшеницы, поля кормовой кукурузы и турнепса, картофеля, несколько коровников, свинарник, птичник, большое огородное хозяйство и огромный плодовый сад, ток, гараж, ремонтные мастерские... Словом, большое и крепкое хозяйство.

Конечно, тогда ничего об этом я не знала, просто любила ездить с папой на «бобике» по полям и степям. В начале лета, когда солнце еще не такое жгучее, степь очень красива. Вверху, в синем безоблачном небе заливаются жаворонки, а внизу – бескрайний, живой, волнующийся степной океан. Воздух густой и ароматный, как кисель в совхозной столовой, который к маминому огорчению мы любили больше, чем домашний. Однажды я даже заснула в степи, среди ковыля и каких-то душистых трав, ожидая папу, который пешком отправился за помощью в соседний аул, когда у нас заглохла машина. Папа потом рассказывал, как испугался, когда по возвращении не обнаружил меня в машине, и только благодаря завязанному тетей Зиной огромному белому банту разглядел в густой траве.

Тетя Зина и дядя Леня с удовольствием взяли на себя хлопоты по присмотру за «оторванным от мамки дитем», тем более, что «дите» было на редкость спокойным и самостоятельным. К тому же сам факт почти родственной близости к новому начальству возвышал тетю Зину в её собственных глазах и, как она думала, в глазах односельчан. Нарядив в чистое платье и повязав на макушку бант, она частенько брала меня с собой в магазин или в клуб, где контролером работала её старинная подруга, или в гости к дальним родичам, которые жили на

одной из самых красивых улиц – Киевской - с садами и цветущими палисадниками. Мы степенно шли с нею по улицам, и всем встречным она рассказывала, что это старшая «директорова дочкА», а с женой остались еще двое, и как только Николай Федорович Козинец отбудет из совхоза, они переедут сюда.

Но в особенно жаркие дни тетя Зина, страдавшая от повышенного давления, не рисковала выходить на улицу, занимаясь какими-то домашними делами или подремывая в своей каморке. В один из таких дней, хотя мне строжайше было запрещено удаляться из пределов тети Зининой видимости, послонявшись по пустым комнатам с казенными панцирными кроватями и крашеными тумбочками, я выскользнула в пустынный же двор, огороженный редким штакетником и засаженный по периметру чахлыми тополями. Во дворе тоже не было ничего примечательного, кроме печки, которую я и попыталась разрисовать кусочком угля.

От этого увлекательного занятия меня отвлек низкий, как мне сначала показалось, мальчишеский голос: «Девочка, что ты делаешь?». Оглянувшись, я увидела приплюснутое с той стороны забора лицо с курносым носом и дерзкими серыми глазами. Так мы и познакомились с Наташей Петровой, которая была старше меня на полтора года, но, как выяснилось, уже учится в школе, а, следовательно, умеет писать и читать, чем окончательно и бесповоротно завоевала мое уважение и преданную любовь.

Правда, первое знакомство имело весьма плачевный итог, потому что, несмотря на запрет, я ушла со своей новой подругой в гости к другой девочке на соседнюю улицу смотреть куклу «с открывающимися глазами». Обнаружившая пропажу тетя Зина подняла страшную панику, мне попало сначала от неё, а затем от папы, и в итоге я была отправлена назад к маме как не оправдавшая доверия.

Домик окнами в сад

Наше знакомство было прервано на какое-то довольно длительное время, хотя мы уже всей семьей перебрались в «Горьковский» и поселились в «директорском доме». Этот дом заслуживает отдельного внимания, потому что был совсем не таким, в

каких мы жили до этого. Вернее, снаружи это был всё тот же финский домик-коттедж с квартирами на две стороны, но внутри… На белых потолках - лепнина, а на стенах, окрашенных в благородный темно-зеленый цвет - накатом золотые узоры, что было невиданной роскошью для маленького степного поселка и для аскетичного быта первоцелинников. Мне квартира казалась сказочно красивой, обладающей какой-то тайной и собственной историей, которую можно было бесконечно додумывать и придумывать. Правда, потом родители переделали всё по моде тех лет, проповедовавшей минимализм.

Двор тоже был необычным - на улицу он выходил палисадником с кустами сирени и молодыми соснами, сбоку его окаймлял довольно большой сад, а в глубине располагались деревянный гараж, душ, летняя кухня и угольный ящик. Там мы частенько играли, превращая дощатый летний душ в скалодром, гараж – в ресторан, а угольный ящик – в трюм пиратского корабля, так как угольная пыль делала из нас настоящих пиратов.

То есть, первые жители совхоза обосновывались здесь основательно и добротно. Из таких одноэтажных двух - и четырех-квартирных коттеджей состояли практически все улицы совхоза. Почему-то дома назывались «финскими», и детворе очень нравилось лазать по лесенкам, обрамлявшим окна по бокам, или играть в «выше земли». Не знаю, была ли тогда в штатном расписании совхоза должность архитектора, но улицы изначально были спланированы как пересекающиеся горизонтальные и вертикальные прямые линии. Опрятные домики утопали в зелени деревьев – преимущественно кленов и тополей, а у некоторых выдающихся хозяек в палисадниках были разбиты настоящие цветочные оранжереи. Георгины, мальвы, циннии, гладиолусы, астры… сияли всеми цветами радуги, радуя глаз прохожих всё лето, а осенью составляя букеты первоклассников для всей окрестной детворы.

Двухэтажных зданий в совхозе было не много - школа, контора, построенная уже при папе новая больница, два-три малосемейных общежития для молодых специалистов. Позже в школьном саду появился ещё и Дворец культуры из красного кирпича (этот яблоневый сад весной утопал в цвету, летом – в румяных ранетках, а зимой – в

кружеве инея). Но в моём детстве мы ходили ещё в старый одноэтажный клуб, больше похожий на барак. На центральной улице Горького, упиравшейся в контору, находились магазины, гостиница, клуб, библиотека, швейная мастерская. С другой стороны от школы располагались также детский сад и ясли, то есть, практически вся социальная инфраструктура. К слову, в детском саду и стала работать бухгалтером мама. Поселок был настолько большим, что многие из нас, живших ближе к центру, на окраинных улицах даже и не бывали. Кроме, разве что, моего младшего брата Вовки, которого мама каждый вечер разыскивала по всему совхозу.

Точную численность населения совхоза я сейчас, конечно, не помню – наверное, порядка 2 тысяч человек, только в школе-десятилетке было около 600 учеников в двух параллелях. Школа с высоким парадным крыльцом была похожа на белый пароход с кают-компанией в виде черного кожаного дивана в холле первого этажа (туда на переменках усаживали слишком расшалившихся малышей) с фикусами и китайскими розанами по бокам. От него в обе стороны расходились палубы-коридоры с шеренгами окон и классных дверей. Там я училась с первого по восьмой класс, вернее – с 1 «а» по 8 «а».

Свою первую учительницу – Таисию Петровну Ерохину – статную, с русой косой, уложенной в тугой узел, мы все боготворили. Однажды Таисия Петровна вынула меня из весенней лужи, где я оказалась по вине одноклассника Витьки, и тихо скулящую не столько от боли, сколько от обиды, долго отмывала от грязи, облепившей руки и новую цигейковую шубу. Она казалась нам красавицей и небожительницей, особенно когда надевала торжественный черный костюм с плиссированной юбкой и белой капроновой блузкой, кружевной воротничок которой выглядывал из жакета. И для меня было величайшим откровением, когда однажды отправившись с одноклассниками проведать заболевшую учительницу, я обнаружила, что живет она в самом обычном доме.

Школа оставила немало и других приятных воспоминаний, например, о пионервожатой Любе Шаец, которой девчонки во всем подражали, а мальчишки тайно влюблялись (она вела у нас не только всю пионерскую работу, но и все танцевальные кружки, даже

балетный). О замечательном многоголосом школьном хоре и ансамбле аккордеонистов, которыми руководил Георгий Дмитриевич Костенко. О целой плеяде замечательных учителей, в том числе преподавателе русского языка и литературы Бану Алимжановне Шартыхбаевой, которая далеко не мне одной привила вкус и любовь к русскому языку и литературе. О нашем грозном директоре Клавдии Терентьевне Петленко, в кабинет которой боялись попадать даже самые отъявленные хулиганы, а в школе царили не только идеальная дисциплина, но и идеальные чистота и порядок.

Мы – дети целины

У меня на стене висит фотография, где папа с мамой совсем молодые, им, наверное, чуть больше двадцати. Папа похож на киноартиста с открыток, которые мы собирали в детстве, а мама – на мадонну с озаряющей лицо полуулыбкой. У них на коленях сижу я – их первенец, и они такие красивые и счастливые!

…В нашей семье воспитанием занималась в основном мама, потому что папу мы видели дома не часто, а в посевную или уборочную он едва ли не круглосуточно пропадал в полях. Мама, не углубляясь в выявление зачинщиков какого-нибудь хулиганства, наказывала сразу всех троих, и иногда в доме были заняты все углы. Папа же, когда изредка приезжал домой пообедать и вздремнуть, а мы, стараясь утихомирить друг друга, поднимали невообразимый гвалт, придумал просто фантастическую историю. Он припугнул нас, что у него в конторе стоит специальный телевизор, в котором он видит все, что происходит дома. И это возымело определенное действие.

Мы были довольно общительными детьми, и у нас во дворе или в доме постоянно собиралась детвора, складывались и распадались какие-то компании, выявлялись лидеры, проводились конкурсы и испытания, сопровождавшиеся шумом и гвалтом. Наташа и Вадик Петровы, Наташа Костина, Саша Синчук, Лёня Сибринин, Лариса и Сергей Гришко, Сережа Мищенко и Серёжа Гармаш, Галя и Петя Регида, Ольга Хамаева, Момыш, Майра и Аблай Жунусовы, а также многие-многие другие жившие по соседству мальчики и девочки, наши

ровесники, были участниками совместных игр, походов в кино, на рыбалку или за похожими на желтеньких мохнатых цыплят степными подснежниками. Помимо детей, во дворе всегда было полно бездомных собак и кошек, которых подбирал и приносил домой сердобольный брат Вова. Нередко появлялись и более экзотические животные в виде сусликов, полевых мышей, лягушек или ящериц, расползавшихся по всему двору.

Нашу свободу никто не ограничивал, впрочем, до разумных пределов, потому что она подразумевала и определённые обязанности – по дому, по хозяйству, не говоря уж об учёбе. У нас с сестрой Людой, например, начиная, наверное, с первого класса были распределены обязанности по уборке, мытью полов и посуды, а чуть позже – глажке белья, поливке огорода. У брата были обязанности по уходу за домашними животными.

Не припомню, чтобы дворы или дома запирались на замок, во всяком случае, никто никогда не закрывался от детворы. Мы могли, например, целой ватагой ходить к Вешевым на соседнюю улицу смотреть по телевизору многосерийный фильм «Четыре танкиста и собака». Не у всех тогда ещё были телевизоры, холодильники, кстати, тоже. Как не было и самого понятия «вещизм», да и вообще желания похваляться какими-то материальными благами.

Авторитет отца был в нашей семье непререкаемым, в том числе благодаря маме, которая обеспечивала не только надежный тыл, но, можно сказать, и культ. Главным блюдом на столе был украинский борщ, папин костюм всегда был вычищен, а сорочка отутюжена. Если папа отдыхает, просматривает газеты или, например, своим бисерным почерком пишет доклад к отчетному собранию, в доме должна стоять идеальная тишина. Мама ограждала его от всех бытовых проблем, включая, в том числе и воспитательные моменты, и проверку домашних заданий, и посещение родительских собраний.

С тем большей теплотой я вспоминаю те нечастые минуты, когда папа с большим азартом включался в наши игры – волейбол с воздушным шариком, «напольный» теннис, где вместо сетки и ракеток использовались книги, или хоккей, когда шайбу гоняли по всем комнатам подручными средствами.

У папы было отменное чувство юмора – уж если давал кому-то прозвище, то оно «приклеивалось» навсегда, если критиковал какое-то уродство, то настолько метко и едко, что ни у кого не возникало сомнений, что это действительно уродство. Понаблюдав, например, однажды, как студентки-медики, приехавшие в совхоз на уборку картофеля, в резиновых перчатках палочками ковыряют землю, он ехидно поинтересовался: «Вы, девчата, не глистов там ищете?». Но для тех же студентов готов был в лепешку разбиться, чтобы создать максимально комфортные бытовые условия, какие только были возможны в условиях степного совхоза.

Он вообще очень уважительно относился к людям, особенно старшего поколения, всех знал по именам-отчествам, здоровался за руку, его приглашали на все свадьбы, юбилеи, крестины… не потому, что был директором, а потому, что уважали. На всех постах, где он потом ни трудился, всегда пользовался уважением не только как хороший, знающий специалист и организатор, но и как порядочный человек, хороший друг. Так было и на животноводческом комплексе новой Яснополянской усадьбы, и в совхозе «Поленово», где он работал главным агрономом, и в музее художника Поленова, где все последние годы был заместителем директора по хозяйственной части.

Когда папа умер почти через четверть века после целины, его гроб несли до кладбища на руках километра три, с ним пришли проститься все – кто когда-то работал с ним, кто рядом жил, кто просто знал его…

С неизменной любовью и уважением вспоминают и о маме, которая после возвращения в родное село Страхово Заокского района Тульской области много лет работала бухгалтером, а затем заместителем председателя в Страховском сельском совете, несколько созывов подряд избиралась депутатом и до последних своих дней защищала права простых граждан – своих односельчан.

Ирина Пушина,

член Союза журналистов РФ,

член Серпуховского отделения

Фонда поддержки ветеранов

комсомола Подмосковья